

ЗАТЯГИВАНИЕ ПОЯСА?

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ ПО РАЗВИТИЮ И БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кэтрин Оуэн

Эксетерский университет, Великобритания

Введение

Любому человеку, интересующемуся мировой политикой, трудно не знать о вездесущих в настоящее время выражениях китайской внешней политики, включая "взаимную выгоду", "инклюзивность", "взаимосвязь" и "беспроектное сотрудничество". Согласно официальному китайскому дискурсу, эти благородные, хоть и расплывчатые, цели должны быть достигнуты с помощью Инициативы «Пояс и путь» (далее ИПП), обширной транспортной сети (высокоскоростные железные дороги, аэропорты, сухопутные и морские порты и дороги), энергетической (производство электроэнергии и трубопроводы) и телекоммуникационной инфраструктуры, которая свяжет Китай с миром. Флагманская внешнеполитическая инициатива президента Китая Си Цзиньпина, ИПП охватывает более 70 стран, включая почти две трети населения мира и треть мирового ВВП.

Очень много было написано об ИПП в Центральной Азии, пересказывая её основополагающую легенду о визите президента Китая Си Цзиньпина в Назарбаев университет в 2013 году и перечисляя многочисленные проекты, осуществленные под её эгидой. Вся эта информация находится в свободном доступе в Интернете (см. Hillman 2018; Indeo 2018). В данной же работе рассматриваются три более аналитических вопроса:

- (1) Что ИПП говорит нам о подходе Китая к международным отношениям в целом?
- (2) Что ИПП говорит нам о подходе Китая к Центральной Азии в частности?
- (3) Как китайские инвестиции меняют внутреннюю политику в странах Центральной Азии?

Я полагаю, что часто недооцениваемой движущей силой ИПП в Центральной Азии являются опасения Китая по поводу продолжающейся нестабильности в его дальнезападной провинции Синьцзян, которая может быть усугублена нестабильностью и конфликтами в странах, граничащих с ней. Тем не

менее, китайский подход к стабилизации через экономическое развитие может не дать желаемого эффекта Пекину, так как быстро растущее китайское присутствие в Центральной Азии несёт с собой новые вопросы безопасности, включая растущий национализм, неравенство и политическую нестабильность. Одним из смягчающих факторов является то, что ни Китай, ни Россия не хотят, чтобы в регионе вспыхнуло насилие, и скорее будут сотрудничать, чем конфликтовать, из-за напряжённости в своих иногда пересекающихся проектах в Центральной Азии. В среднесрочной перспективе это может привести к "нелиберальному миру" в регионе, когда напряженность остаётся нерешённой, но подавляется доминирующими державами (Lewis et al., 2018).

Подход Китая к международным отношениям и ИПП

В отличие от многосторонности, характерной для либерального международного порядка после 1989 года, внешняя политика Китая, как правило, строится на ряде двусторонних отношений, начиная с даннической системы, установленной императорским Китаем, и заканчивая современными совместными меморандумами о сотрудничестве, подписанными Китаем со странами-участницами ИПП. Там, где Китай взаимодействует с многосторонними организациями, он, как правило, делает это в форме двусторонних соглашений, например, в таких форматах, как Форум китайско-африканского сотрудничества и Форум "17+1" в Восточной Европе. Этот особый подход к международным отношениям был по-разному теоретизирован китайскими учёными в области международных отношений: "отношенчество" (Qin 2018), "тянься" (Zhao 2009), "симбиоз" (Ren 2015). Эти теории определяют концепцию "международный" как сеть более или менее стабильных отношений между доминирующими и подчинёнными державами, и невольно возникает желание рассматривать ИПП в соответствующем ключе. Такой двусторонний подход позволяет Китаю создавать индивидуальные, гибкие договорённости с различными государствами и акторами, развивая свои технологии и ценности, при необходимости корректируя их. Однако такому подходу не хватает прозрачности, надзора и координации между странами, что может стать причиной некоторых проблем при внедрении ИПП, о которых речь пойдёт ниже.

В англоязычной литературе можно отметить три основных подхода к изучению ИПП: один – с акцентом на политэкономии, другой – на фрагментацию государства и третий – на геополитику. Аналитики из первой группы утверждают, что ИПП появился в основном как ответ на внутренние экономические проблемы Китая. Пакет стимулирующих мер в размере 586 млрд долларов США, предоставленный Пекином провинциям после финансового кризиса 2007-2008 годов, привёл к перепроизводству в обрабатывающей промышленности и электроэнергетике, а также к кризису чрезмерного накопления в китайском банковском секторе (Jones and Zeng 2019; TNI 2019). Таким образом, ИПП обеспечил основу для направления внутреннего производства и излишков капитала за рубеж.

Вторая точка зрения подчеркивает децентрализованный характер и присущую ИПП неуправляемость (Hameiri et al., 2019; Ye 2019; Summermers 2016) и рассматривает дискурс ИПП как ретроспективную попытку китайского руководства рационализировать полуавтономную практику государственных предприятий (ГП) и администраций провинций, действующих на периферии Китая (Heathershaw et al., 2019). С этой точки зрения, основным действующим лицом ИПП является не китайское государство, действующее в "национальных интересах", а государственные департаменты на уровне провинций, частично детерриториализованные ГП, а также транснациональные потоки капитала и рабочей силы.

В третьей группе учёные рассматривают ИПП как альтернативную модель мирового порядка, которая представляет собой решение давней неудовлетворённости Китая и других развивающихся держав существующей западнцентристской международной системой (Rolland 2020: 14). С этой точки зрения ИПП представляет собой проект, который смещает как материальную, так и нормативную власть с Запада, предлагая займы и инвестиции, свободные от громоздких условий, менее строгие социальные и экологические нормы регулирования и гибкие стратегии погашения задолженности (Dunford and Liu 2019; Hillman 2018: 6; Sanghera and Satybaldieva, готовится к выпуску). Короче говоря, Китай готов кредитовать страны, которым отказывали бы западные финансовые институты. ИПП позволяет Китаю продолжить маоистское провозглашение страны лидером развивающегося мира, представляя – и финансируя – интересы Глобального Юга перед лицом непримиримого, неокOLONиального Запада.¹

Каждое из этих объяснений правдиво. Кроме того, существует также ряд специфических для Китая стратегических факторов, которые ИПП стремится разрешить, например, своё желание диверсифицировать источники энергии, отказавшись от сильной зависимости от ближневосточной нефти, и противостоять влиянию США в Тихоокеанском регионе. В контексте Центральной Азии все они упускают из виду один важный фактор: ИПП в Центральной Азии в основном занимается секьюритизацией Синьцзяна.

ИПП и подход Китая к Центральной Азии

Вопреки тому, что утверждают многие центральноазиатские эксперты, Центральная Азия не является регионом, имеющим большое стратегическое значение для Китая. Южно-Китайское море имеет гораздо большее значение, как с точки зрения экономики, так и геополитики (Rolland 2017: 94). Китайские компании также гораздо больше инвестируют в Африку (Shepard 2019). Отражая эту относительную незаинтересованность на государственном уровне, экспертные знания о Центральной Азии в Китае

¹ Реалистическим продолжением этого подхода к "мировому порядку" является тезис дипломатии "долговой ловушки", в котором Китай рассматривается как намеренно обременяющий развивающиеся страны невероятными долгами, чтобы заставить их уступить больше ресурсов и, возможно, суверенитет. Сейчас этот тезис в значительной степени дискредитирован – см. Brautigam 2020.

слабые: в китайских университетах и аналитических центрах мало специалистов, также мало готовят китайских аспирантов по региону. Центральная Азия имеет значение для Китая только в контексте секьюритизации его беспокойной дальнезападной провинции Синьцзян, крупнейшей провинции Китая, граничащей с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном. Регион, населённый преимущественно мусульманами-уйгурами, имеющими больше культурных сходств с жителями Центральной Азии, чем с другими этническими группами Китая, только формально стал частью Китая в 1884 году и с тех пор остаётся подверженным сепаратистским течениям, переживая периоды насилия, беспорядков и террористических атак. В настоящее время около миллиона уйгуров находится под стражей в так называемых Китае "лагерях перевоспитания", но которые, по утверждению правозащитных организаций, нарушают международное право в области прав человека (HRW 2018). Для того чтобы понять подход Китая к Центральной Азии, необходимо понять его подход к Синьцзяну.

После многих лет взаимной вражды во время холодной войны, распад Советского Союза вызвал в Китае опасения территориального раскола в Синьцзяне, поскольку уйгурское население, ставшее геополитической пешкой между двумя коммунистическими державами (Šilde-Kārklīnš 2015), в настоящее время рассеяно по четырём странам. В 1999 году в целях более эффективной интеграции Синьцзяна и других периферийных провинций в материковую часть Китая, Пекин развернул в этих регионах быстрое экономическое развитие, значительную миграцию ханьцев и строительство трансграничной инфраструктуры с соседними государствами. Эта политика, известная как "Великое западное развитие" или "Вперёд на Запад", имеет много общего с сегодняшним ИИП и часто считается его предшественником (Summermers 2016; Jones and Zeng 2019). На международном уровне «Шанхайская пятёрка», в которую входят Китай, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан, и которая впоследствии станет Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), появилась с подписанием Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы. Интересно, что – возможно, учитывая уникальную политическую направленность на борьбу с "тремя злами": терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – ШОС является единственным инициированным Китаем международным стремлением к сотрудничеству, которое не построено на двусторонних связях.

Сегодня Синьцзян является жизненно важным транзитным регионом для центральноазиатской нефти и газа в направлении Восточного Китая. Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК) также предусматривает Синьцзян в качестве центрального узла для газа и грузов, следующих транзитом из принадлежащего Китаю порта Гвадар на пакистанском побережье. Стремясь стабилизировать провинцию за счёт копирования модели успешного развития Шэньчжэня, прибрежной рыбацкой деревушки, превратившейся в экономический центр, три специальные экономические зоны были созданы в Синьцзяне.² Две из них находятся на границе с Казахстаном, одна из которых – Хоргос, ранее

² В период с 1978 по 2014 годы в Шэньчжэне в качестве первой специальной экономической зоны Китая ВВП на душу населения увеличился на 24,569% (Holmes 2017).

пустынный пограничный пункт пропуска, в настоящее время часто рекламируемая как один из флагманских узлов ИПП в Евразии (Rolland 2017: 83),³ а третья – Кашгар, обедневший, преимущественно уйгурский город на юге провинции. В то время как экономическая интеграция Хоргоса может быть спроектирована с нуля (совершенно новый город строится по обе стороны границы), Кашгар и Шэньчжэнь вряд ли могут быть более разными. В то время как Шэньчжэнь расположен на южном побережье недалеко от Гонконга, где был лёгкий доступ к международным рынкам, Кашгар соседствует с четырьмя странами, каждая из которых имеет историю конфликта и нестабильности: Афганистан, Кыргызстан, Таджикистан и Пакистан.⁴ Таким образом, Китай считает строительство инфраструктурных маршрутов, транспортных узлов и телекоммуникационных сетей через эти страны жизненно важным компонентом обеспечения экономического развития Синьцзяна, его приграничных стран и, следовательно, укрепления его общей внутренней безопасности.

ИПП и изменение внутренней динамики в Центральной

Азии

ИПП обладает потенциалом для улучшения уровня жизни и экономик Центральной Азии, одного из наиболее слабо связанных регионов мира. Инфраструктурное развитие крайне необходимо – например, только 38% дорог в Кыргызстане покрыты асфальтом (UN 2018). Новые транспортные проекты представляют собой растущий потенциал государства для политических лидеров и преобразуют повседневную жизнь граждан (Reeves 2017). Инвестиции Китая в энергетические трубопроводы позволили центральноазиатским государствам-производителям энергии диверсифицировать свою деятельность вдали от инфраструктуры колониальной эпохи, которая направляла нефть и газ исключительно в Россию. Однако то, как на сегодняшний день осуществляются китайские инвестиции, позволяет местным элитам позиционировать себя в качестве главных бенефициаров такого более тесного сотрудничества, в то время как граждане видят меньше выгод и проявляют гораздо более настороженное – даже синофобское – отношение (Owen 2017). Всеобъемлющая оценка воздействия ИПП на Центральную Азию выходит за рамки данной работы. Здесь я выделяю четыре широкие проблемы: коррупция, неравенство, задолженность и этнонационализм – проблемы, которые существовали до вмешательства Китая, но которые усугубляются им.

³ Однако Хоргос был предложен в качестве "сухопутного моста" еще в 2005 году, а железная дорога Урумчи-Алматы, проходящая через Хоргос, была начата в середине 2000-х годов и завершена в 2012 году, прежде чем было объявлено ИПП.

⁴ Китай начал различные формы военного сотрудничества со всеми четырьмя из этих стран, начиная от военно-морских учений с Пакистаном и заканчивая военной подготовкой таджикской армии. Стабильность в Афганистане, а также в Синьцзяне рассматривается как центральный фактор успеха КПЭК. См. Hussein 2020.

Во-первых, отсутствие прозрачности, характерное для китайских переговоров, в сочетании с корыстными местными политическими элитами и отсутствием внутренних механизмов надзора усугубляет региональные коррупционные сети. В Таджикистане, например, в последнее время целые сектора экономики перешли в руки китайских инвесторов и таджикских бизнесменов, тесно связанных с президентом Рахмоном. Шанхайская компания Huaxin Group, благодаря связям с зятем Рахмона, в настоящее время является лидером в производстве цемента в стране. В Кыргызстане коррупция на государственном уровне, связанная с Китаем, была разоблачена в прошлом году, когда китайский подрядчик Tebian Electric Apparatus (TBEA) получил выгодный контракт на модернизацию теплоэлектростанции (ТЭС) благодаря лоббированию со стороны бывшего премьер-министра, несмотря на то, что конкурентное предложение было дешевле (SCMP 2019). В Казахстане 12 высокопоставленных чиновников находятся под следствием за коррупцию, связанную с неудавшимся проектом по строительству системы легкорельсового транспорта в столице, финансируемым Китаем через ИПП (Umirbekov 2019).

Во-вторых, и это связано с тем, что преимущества ИПП не ощущаются среди населения, а центральноазиатские страны-покровители мало что делают для перераспределения финансовых потоков: денежные переводы из России увеличиваются (Bhutia 2019), а уровень безработицы среди молодежи остаётся неизменным на уровне около 17% (FRBSL n.d.). В то время как в Казахстане и Туркменистане с 2000 года наблюдался значительный рост ВВП на душу населения, в Узбекистане рост был гораздо более скромным, тогда как в Кыргызстане и Таджикистане он оставался на уровне стагнации (World Bank 2019). Модель финансирования, которой отдают предпочтение китайские компании, усугубляет и без того клиентелистские политические экономики. Во-первых, китайские строительные компании, как правило, привлекают своих рабочих на проекты, предоставляя мало возможностей для трудоустройства местных жителей. Во-вторых, многие соглашения по энергетической инфраструктуре заключаются по модели "строительство-эксплуатация-передача", что позволяет Китаю работать и получать прибыль от эксплуатации завода в течение согласованного периода времени, прежде чем передать его местным операторам. А кредиты, взятые на строительство столь необходимой инфраструктуры, иногда перекадываются на конечного пользователя: водители часто должны платить пошлину за проезд по финансируемым Китаем автомагистралям (Asia Plus 2017). Очевидно, что такие договорённости противоречат возвышенной "беспроектной" риторике Пекина.

В-третьих, некоторые центральноазиатские страны всё чаще обременяют себя очень большими долгами перед Китаем, по-видимому, их руководители не в состоянии отказаться от соблазна создания новой инфраструктуры. Влиятельный отчёт за 2018 год по задолженности перед Китаем через ИПП, показал, что из 33 стран, проанализированных в отчёте, 8 были выделены как особо подверженные риску от долгового кризиса, двумя из которых являются Кыргызстан и Таджикистан (Hurley et al., 2018). Почти половина внешнего долга этих двух стран принадлежит Китаю. В

Таджикистане Китай вовлечён в столь многие сферы деятельности правительства, что конфликт интересов со своим большим соседом может оказаться губительным для Таджикистана: секретное соглашение между двумя странами уполномочило Китай построить 11 застав, учебный центр и 30-40 караульных постов на таджикско-афганской границе (Nelson and Grove 2019), китайская компания Huawei эксплуатирует оборудованную искусственным интеллектом систему наблюдения в Душанбе (Ruhullo 2019), а Рахмон уже предоставил Китаю землю площадью 1000 км² в качестве неофициальной формы погашения долга (Lain 2016). Аналогичным образом, Китай на сегодняшний день является крупнейшим покупателем природного газа в Туркменистане, от которого зависит экономика страны. Если Китай найдёт альтернативный источник – одна из целей ИПП – то пострадает туркменская экономика, основанная на природных ресурсах.

В-четвертых, в некоторых центральноазиатских странах наблюдается рост этнонационализма и этнического насилия, что, по крайней мере, частично обусловлено ростом антикитайских настроений. В последние несколько лет в Казахстане и Кыргызстане нарастают протесты с антикитайским привкусом.⁵ Одним из главных организаторов протестов в Бишкеке является националистическая группа "Кырк-Чоро", которая уже некоторое время мобилизует общественные настроения против китайцев в Кыргызстане (Kaktus Media 2018; Eurasianet.org 2019). В Казахстане местные власти задерживают протестующих на антикитайских митингах (Reuters 2019). Совсем недавно на юге Казахстана вспыхнули этнические столкновения между казахами и дунганами (китайские мусульмане – хуэй, поселившиеся в Центральной Азии), в результате которых погибли 10 человек и 24 000 человек были вынуждены бежать в соседний Кыргызстан (Economist 2020). Хотя это и не считается связанным с ИПП, оно подпитывается средой, в которой люди китайского происхождения в Центральной Азии периодически становятся мишенью для нападений (Varshalomidze 2020).

Заключение

В данной аналитической записке была предпринята попытка поместить китайское участие в Центральной Азии в контекст своей цели по секьюритизации Синьцзяна, к чему он стремится посредством быстрого экономического развития. Однако использование этой стратегии за рубежом – это не то же самое, что делать это на своей собственной территории, где возникающая социальная напряженность может быть устранена путем авторитарных репрессий. В Центральной Азии рост коррупции и неравенства, усугубляемый ИПП, уже оказывает влияние на внутривнутриполитический ландшафт, усиливая недовольство политических элит и способствуя развитию националистических тенденций. В настоящее время Китай не может решить эти проблемы, сохраняя приверженность суверенитету государств, участвующих в ИПП, и не в последнюю очередь в

⁵ В Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане отношение к Китаю более позитивное (см. Indeo 2018; Central Asia Monitor 2016).

тех случаях, когда действующие лица на местах являются ГП, а центральный надзор очень ограничен (Yu 2017).

В свете вышеизложенного, центральный вопрос заключается в том, могут ли усилия Китая по секьюритизации привести к обратным результатам, что приведёт к большему, а не меньшему конфликту. Власти Китая знают о многих из этих вопросов, однако масштабность и фундаментальная фрагментарность ИПП означает, что очень трудно навязать скоординированную стратегию. Хотя обещание построить инфраструктуру, которая могла бы трансформировать уровень жизни центральноазиатских обществ, является благородным, возможно, именно модель китайских внешних отношений, на которой структурирована ИПП, которая опирается на нетранспарентные двусторонние соглашения и предоставляет широкие возможности для коррупции, превращает это обещание во что-то большее, чем угроза.

Ссылки

Asia Plus (2017) 'IRS raises toll rates; company says it raised toll rates for removing complexity in mutual settlements', *Asia Plus*, 20 December 2017. Available at: <https://asiaplustj.info/en/news/tajikistan/economic/20171220/irs-raises-toll-rates-company-says-it-raised-toll-rates-for-removing-complexity-in-mutual-settlements>

Bhutia, Sam (2019) 'Russian Remittances to Central Asia Rise Again', *Eurasianet.org*, 23 May 2019. Available at: <https://eurasianet.org/russian-remittances-to-central-asia-rise-again>.

Brautigam, Deborah (2020) 'A Critical Look at Chinese 'Debt-Trap Diplomacy': The Rise of a Meme', *Area Development and Policy*, 5:1, 1-14.

Central Asia Monitor (2016) 'Эксперты: "Китай вызывает чувство восхищения и страха в Азии"', *Central Asia Monitor*, 12 августа 2016 г. Доступно на: <https://camonitor.kz/24846-eksperty-kitay-vyzyvaet-chuvstvo-voshischeniya-i-straha-v-azii.html>.

Cooley, Alexander and John Heathershaw (2017) *Dictators Without Borders: Power and Money in Central Asia* (New Haven, MA: Yale University Press).

Dave, Bhavna and Yuka Kobayashi (2018) 'China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security implications', *Asia Europe Journal* 16, p. 268.

Dunford, Michael and Weidong Liu (2019) 'Chinese Perspectives on the Belt and Road Initiative', *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 12: 145-167.

Economist (2020) 'An Ethnically Motivated Attack Alarms Multi-Ethnic Kazakhstan', *The Economist*, 13 February 2020. Available at <https://www.economist.com/asia/2020/02/13/an-ethnically-motivated-attack-alarms-multi-ethnic-kazakhstan>.

Eurasianet.org (2019) 'Kyrgyzstan: Another week, another anti-China rally', *Eurasianet.org*, 17 January 2019. Available at: <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-another-week-another-anti-china-rally>.

FRBSL (n.d.) 'Youth Unemployment Rate for Developing Countries in Europe and Central Asia', Federal Reserve Bank of St Louis. Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/SLUEM1524ZSECA>

Hameiri, Shahar, Lee Jones and John Heathershaw (2019) 'Reframing the Rising Powers Debate: State Transformation and Foreign Policy', *Third World Quarterly* 40 (8): 1397-1414.

Heathershaw, John, Catherine Owen and Alexander Cooley (2019) 'Centred Discourse, Decentred Practice: the Relational Production of Russian and Chinese 'Rising' Power in Central Asia', *Third World Quarterly* 40 (8): 1440-1458.

Hillman, Jonathan (2018) 'China's Belt and Road Initiative: Five Years Later', Statement Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. Available at: http://www.iberchina.org/files/2018/obor_csis_hillman_testimony.pdf.

Holmes, Frank (2017) 'China's New Special Economic Zone Evokes Memories of Shenzhen', *Forbes*, 21 April 2017. Available at: <https://www.forbes.com/sites/greatspeculations/2017/04/21/chinas-new-special-economic-zone-evokes-memories-of-shenzhen/#3438a59176f2>

HRW (2018) 'China: Massive Crackdown in Muslim Region', *Human Rights Watch*, 9 September 2018.

Hurley, John, Scott Morris, and Gailyn Portelance (2018) 'Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective', CGD Policy Paper. Washington, DC: Center for Global Development. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/examining-debt-implications-belt-and-roadinitiative-policy-perspective>

Hussein, Tom (2020) 'The Real Reason China Wants Peace in Afghanistan', *South China Morning Post*, 4 January 2020. Available at: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3044596/real-reason-china-wants-peace-afghanistan>.

Ideo, Fabio (2018) 'The Impact of the Belt and Road Initiative on Central Asia: Building New Relations in a Reshaped Geopolitical Scenario', in Wenxian Zhang, Ilan Alon and Christoph Lattemann (eds) *China's Belt and Road Initiative* (Palgrave Macmillan) pp. 135-153.

Jones, Lee and Jinghan Zeng (2019) Understanding China's 'Belt and Road Initiative': Beyond 'Grand Strategy' to a State Transformation Analysis', *Third World Quarterly*, 40 (8): 1415-1439.

Kaktus Media (2018) "Кырк Чоро" митингует у посольства Китая. Требует ясности по "кыргызстанцам в лагерях", *Kaktus Media*, 20 декабря 2018 г. Доступно на: https://kaktus.media/doc/384261_kyrk_choro_mitingyet_u_posolstva_kitaia._trebyet_iasnosti_po_kyrgyzstancam_v_lageriah.html

Lain, Sarah (2016) 'China's Silk Road in Central Asia: transformative or exploitative?', *Financial Times*, 27 April 2016. Available at: <https://www.ft.com/content/55ca031d-3fe3-3555-a878-3bcfa9fd6a98>

Lewis, David, John Heathershaw and Nick Megoran (2018) 'Illiberal peace? Authoritarian Modes of Conflict Management', *Cooperation and Conflict* 53 (4): 486-506.

Nelson, Craig and Thomas Grove, 'Russia, China Vie for Influence in Central Asia as U.S. Plans Afghan Exit', *Wall Street Journal*, 18 June 2019. Available at <https://www.wsj.com/articles/russia-china-vie-for-influence-in-central-asia-as-u-s-plans-afghan-exit-11560850203>

Owen, Catherine (2017) "'The Sleeping Dragon is Gathering Strength": Causes of Sinophobia in Central Asia', *China Quarterly of International Strategic Studies* 3 (1): 101-119.

Qin, Yaqing (2018) *A Relational Theory of World Politics* (Cambridge: Cambridge University Press).

Reeves, Madeleine (2017) 'Infrastructural Hope: Anticipating 'Independent Roads' and Territorial Integrity in Southern Kyrgyzstan', *Ethnos* 82 (4): 711-737.

Ren, Xiao (2015) *Gongsheng: Shanghai Xuepai de xingqi* (Shanghai: Yiwen).

Reuters (2019) 'Dozens Detained in Kazakhstan at anti-China Protests', Reuters.com, 21 September 2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-kazakhstan-china-protests-detentions/dozens-detained-in-kazakhstan-at-anti-china-protests-idUSKBN1W60CS>.

Rolland, Nadège (2020) *China's Vision for a New World Order*, The National Bureau of Asian Research, Special Report #83, Washington, DC.

Rolland Nadège Rolland (2017) *China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative* (Washington, DC: National Bureau of Asian Research).

Рухулло, Сарвиноз (2019) 'В Душанбе уличные камеры начнут распознавать лица', *Радио Озоди*, 17 июня 2019 г. Доступно на: <https://rus.ozodi.org/a/30003322.html>.

Sanghera, Balihar and Elmnira Satybaldieva (forthcoming) 'Economic development in Central Asia: neoliberal strategies and counter-hegemonic projects' in David W. Montgomery (ed.) *Central Asia in Context: A Thematic Introduction to the Region* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press).

SCMP (2019) 'Kyrgyzstan jails former PMs over China-linked corruption', *South China Morning Post*, 7 December 2019. Available at: <https://www.scmp.com/news/world/russia-central-asia/article/3041051/kyrgyzstan-jails-former-pms-over-china-linked-graft>.

Šilde-Kärklinš, Rasma (2015) 'The Uighurs Between China and the USSR', *Canadian Slavonic Papers*, 73 (2/3): 341–365.

Shepard, Wade (2019) 'What China is Really up to in Africa', *Forbes.com*, 3 October 2019. Available at: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2019/10/03/what-china-is-really-up-to-in-africa/#7767def59304>

Summers, Tim (2016) 'China's 'New Silk Roads': sub-national regions and networks of global political economy', *Third World Quarterly*, 37 (9): 1628-1643.

TNI (2019) 'Selling the Silk Road Spirit: China's Belt and Road Initiative in Myanmar', Myanmar Policy Briefing 22, Transnational Institute, 7 November 2019. Available at: <https://www.tni.org/en/selling-the-silk-road-spirit>.

Umirbekov, Darkhan (2019) 'Kazakhstan: Anti-graft agents spring into action over LRT scandal', *Eurasianet.org*, 11 October 2019. Available at: <https://eurasianet.org/kazakhstan-anti-graft-agents-spring-into-action-over-lrt-scandal>

UN (2018) 'The Development Program of the Kyrgyz Republic for the period 2018-2022: "Unity. Trust. Creation"', United Nations, 41. Available at: https://www.un-page.org/files/public/the_development_program_of_the_kyrgyz_republic_for_the_period_2018-2022.pdf#

Varshalomidze, Tamila (2019) 'Ethnic violence blows hole in Kazakhstan's narrative of tolerance', *Aljazeera*, 10 Feb 2020. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2020/02/ethnic-violence-blows-hole-kazakhstan-narrative-tolerance-200210091600580.html>

World Bank (2019) 'GDP per capita (current US\$) - Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyz Republic, Turkmenistan, Kazakhstan', World Bank. Available at:
<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=TJ-UZ-KG-TM-KZ>.

Ye, Min (2019) 'Fragmentation and Mobilization: Domestic Politics of the Belt and Road in China', *Journal of Contemporary China* 28 (119): 696-711.

Yu, Hong (2017) 'Motivation behind China's 'One Belt, One Road' Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank', *Journal of Contemporary China*, 26:105, 363.

Zhao, Tingyang (2009) 'A Political World Philosophy in terms of All-under-heaven (Tian-xia)', *Diogenes* 221: 5-18.

Об авторе

Кэтрин Оуэн является стипендиатом Британской академии на факультете политики Университета Эксетера. До получения стипендии Кэтрин Оуэн читала лекции по изучению Центральной Азии на факультете истории и цивилизации Университета Шэньси, Сиань, Китай. В сентябре 2020 года Оуэн на постоянной основе будет читать лекции по международным отношениям в Университете Эксетера.

Crossroads Central Asia - независимый научно-исследовательский институт, расположенный в Бишкеке. Crossroads Central Asia поддерживает, поощряет и практикует проведение профессиональных исследований в целях обеспечения открытости, безопасности и процветания Центральной Азии. W: <https://www.crossroads-ca.org/>

the Hollings Center
for international dialogue

Данная аналитическая статья подготовлена в рамках проекта «Обсуждение международных отношений в Центральной Азии: региональное развитие и внерегиональные субъекты». Проект осуществляется под руководством Шаирбека Джураева и Эрика МакГлинчи при поддержке Центра Холлингса по международному диалогу.

Взгляды, выраженные в данной публикации, принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения Crossroads Central Asia и/или Центра Холлингса по международному диалогу.